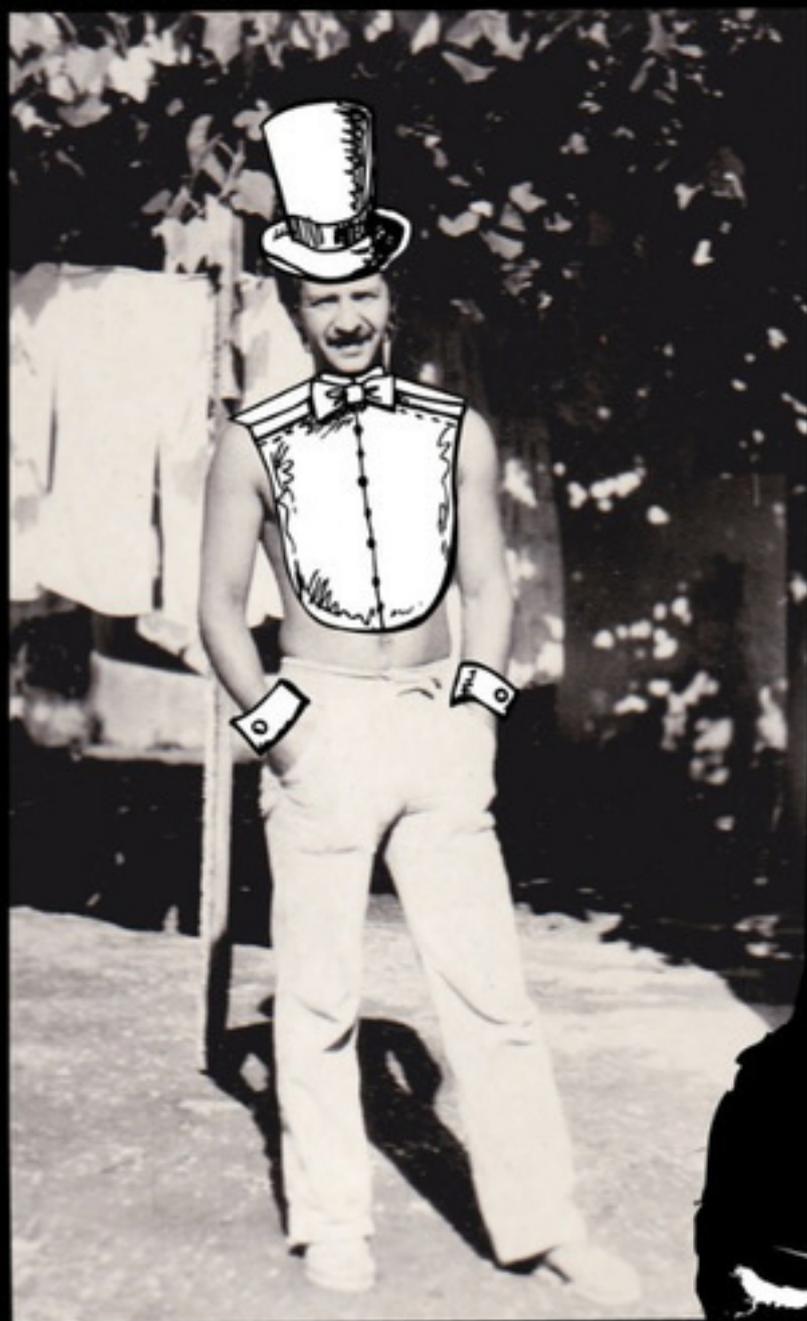

Непридуманнные истории,
рассказанные неутомимым
странником

СЭРОМ ЭНТОНИ ДЖОНСОМ

Владимир Антонов

Том 2

Владимир Антонов

**Непридуманные истории,
рассказанные неутомимым
странником сэром
Энтони Джонсом. Том 2**

«Автор»

2016

УДК 82-31
ББК 84 (2Рос)

Антонов В. Н.

Непридуманные истории, рассказанные неутомимым странником сэром Энтони Джонсом. Том 2 /
В. Н. Антонов — «Автор», 2016

ISBN 978-5-7399-0197-9

В данном издании представлены рассказы целеустремленного человека, энергичного, немного авантюрного по складу характера, всегда достигающего поставленных целей, любящего жизнь и людей, а также неутомимого странника сэра Энтони Джонса, он же Владимир Антонов. События, которые произошли с автором в разные годы и в разных точках нашей планеты, повествуют о насыщенной, богатой на приключения жизни. И главное, через свои воспоминания автор напоминает нам о тех людях, которые его окружали в разные годы жизни, которых он любит и помнит!

УДК 82-31
ББК 84 (2Рос)

ISBN 978-5-7399-0197-9

© Антонов В. Н., 2016
© Автор, 2016

Содержание

Бармен и Светка	6
Масловоз в Голландии	7
Кривоногая вонючка	13
Текила	15
Вожак стаи	19
Синие войлочные тапочки	21
Раннее барокко	22
Русский самовар	25
Чичен-Ица	27
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Владимир Антонов Непридуманные истории, рассказанные неутомимым странником сэром Энтони Джонсом. Том 2

© Антонов В., 2016

© Изабелла Глаз, художественное оформление, 2016

* * *

Книга посвящается моей маме – это она меня таким родила, и жене Маринке – она с этим живёт!

*Жизнь надо прожить так, чтобы в конце можно было сказать:
«Ну, вроде бы всё успел!»*

Бармен и Светка

Я не путешественник. Это жена у меня путешественница. Она всегда готовится к поездке куда-нибудь, погружаясь в исследование достопримечательностей и маршрутов, ведущих к этим достопримечатель... (ну и словечко...!) задолго до того, как куплен билет. Я это к тому, что всё, что я писал и пишу – это не путевые заметки путешественника. Это наблюдения и приключения, память о которых чудом сохранилась в измученной этими приключениями голове, описанные так, как я их вижу или сам пережил и прочувствовал. Так вот, я в Голландии по делу. И должен ближе к вечеру добраться до городка Бруммен, где живет мой старый приятель Сеня, с которым собственно говоря у меня и есть это дело и у которого я на день – другой останавливаюсь, когда приезжаю именно по этому делу. В этот раз дом моего товарища наполнен гостями. Надо в отель, и Сеня отвез меня в ближайший. Свет не горит, но входная дверь открыта. Там никого. На стойке портье записка на голландском. Кое-как прочитали. Там написано: «Меня сегодня не будет, ключи от убранного номера на стойке, отдыхайте.» Вы такое видели? Я – нет, не видел! И немедленно заселился! Сеня уехал, а я пошел осматривать отель. Номеров немного, все пустые. Видимо, не сезон. Биллиард – пожалуйста, играйте, но не с кем! Иду, обследую дальше... а это что за дверь?... Мамочка! – бар! А в баре всё настоящее. И виски, и водка, и мартини, и текила, и... всё! И я – настоящий пьяница! Всё-всё настоящее и по-настоящему! Хорошенький дуэт получился – настоящий пьяница в настоящем баре. Нет, – лучше так: – бесплатный бар в «all included» резорте! Получается, что неплохой я резортник нашел! А пока я, обдумывая ситуацию, сам себя назначил и барменом и постоянным клиентом – старым другом бармена. Бармен мне говорит:

– Старина, чего бы ты с дороги выпил? – Я понимаю, что он от широты души готов меня угостить, как надо, да и не виделись давно... Пытаюсь не уронить достоинства и не прошу там никакого блю или блэк лэйбел. Скромненько так говорю:

– Пару Джеков Дэниелсов для начала, если не возражаешь, Старина!.. – А потом сам с собой посидели. Поговорили, вспомнили, ещё выпили, опять вспомнили, и что-то мне он всё меньше и меньше начинает нравиться. Вспомнилось, как занял у меня сто рублей и не отдал, падла. Вспомнилось, как со Светкой он вытанцовывал. А она, эта сучка, хихикала и к нему прижималась, виляя задницей. Решил, пока до драки не дошло, как в прошлый раз, лучше разойтись по-хорошему прямо сейчас. Денег он с меня не взял, да и странно было бы, если бы взял! Всё-таки это он у меня, а не я у него увел тогда Светку! И пошел спать. Хозяина с утра не дождался. Оставил на стойке гильдены в соответствии с ценником, висящим на стене за стойкой портье. Ещё раз поблагодарил хозяина заочно за радушный прием и уехал по делам.

Коста Рика, 16.11.14.

Масловоз в Голландии

Я занимался непростым «малым» бизнесом. Возил машины из Голландии, иногда из Германии. Среди моих клиентов были люди разные по возрасту, запросам, полу, социальному положению, гражданскому состоянию и с различающимся уровнем материального достатка. Но покупал для них машины я всегда практически в одном и том же месте – у Сени в Голландии! У Сени в Хертогенбоше, если быть поточнее. Там была дилерская площадка на тридцать автомобилей, принадлежащая длинному и тощему голландцу по имени Майнер. И мастерская на два подъёмника, где работали эмигранты-полулегалы из Армении. Одного я очень хорошо помню. По специальности военный переводчик, владеющий то ли двенадцатью, то ли четырнадцатью языками, в том числе и голландским. Он носил необычное и вызывающее улыбку у русского, и привычное для армянского уха имя Синдбад. Основным доходом в семье военного переводчика было, естественно, пособие, которое очень жалостливое правительство выдавало всем, кому удавалось добраться до Голландии. Работа в мастерской у Майнера – это был дополнительный заработок. Хозяин, как водится, платил ему в два раза меньше, чем того требовал голландский закон, но он не роптал и не скулил. Может, только иногда «подскуливал» втихаря. Я же использовал знание Синдбадом голландского языка для того, чтобы выторговать побольше скидку при покупке машины на стороне. Мой английский в этом вопросе помогал значительно меньше, да и куда мне было соревноваться с настоящим армянином в торговле – только время терять! Если Синдбаду удавалось скинуть цену на триста гульденов, например, то сто пятьдесят автоматически переходили к нему в качестве комиссионного вознаграждения. Глядя на то, как он жестикулирует, варьируя голосом от очень низких до самых высоких частот, рассказывая очередному нидерландцу на его родном голландском языке с ужасающим армянским акцентом о недостатках автомобиля последнего, я порой не мог сдержать улыбку. А иногда не выдерживал и смеялся. «Послушай, брат! Ты даже не представляешь, как тебе повезло, что я привёз к тебе этого русского лоха. Ты только посмотри на него! Такой к тебе никогда не приедет. Послушай меня. Он честное слово, мамой клянусь, даёт двойную цену за этот самовар на колёсах! Ты лучше отдай ему этот драндулет пока он не развалился на восемь отдельных запчастей прямо сейчас или завтра утром у тебя под окнами... И что ты тогда жене скажешь, такой очаровательный красавица!»...

Как и в любой армянской семье, в семье Синдбада кушать любили все, кроме него самого. Он беспрестанно пил чёрный кофе одну чашку за другой, много курил и откровенно злоупотреблял. Однажды, прямо во время исполнения одного из лучших своих монологов – эссе по поводу белого дизельного Форда «Транзит», он вдруг перестал декламировать... и упал. Потом ужасно закричал и забился в конвульсиях. Нас было трое. Мы подумали – эпилепсия! Кто-то знал, что надо делать, а больница оказалась за углом. Через два часа его из больницы выпустили, но на прощание посоветовали бросить либо кофе, либо водку, либо курить! Если же он хочет дожить до получения голландского гражданства, то лучше бросить всё сразу и насовсем. Он с перепугу выбрал второе... и талант поэта покинул, не попрощавшись, в обнимку с кофе, водкой и сигаретами!

Бизнес Сени был построен на вражеской алчности. Вместо того, чтобы отправлять под пресс отжившие своё «камуфляжно» раскрашенные военные фольксвагены и мерседесы, натовские генералы решили продавать эту рухлядь с аукциона. А на вырученные деньги курить марихуану и развлекаться с дамочками с улицы «красных фонарей» в Амстердаме (информация не проверенная и за достоверность не ручаюсь!). Большая часть этой техники была на хорошем ходу и с пробегом не более двадцати тысяч километров. Больше им по своей Голландии было не «накатать» из-за крошечных её размеров! Да и денег на бензин им

НАТО не давало. Самим не хватает! Сеня эту технику оптом скупал и по розничной цене продавал заезжим купцам из Украины, Молдовы и России. Одним из таких купцов как раз был я! Когда-то в одном из ранних рассказов я писал, как улепётывал от снежного бурана на свежескупленном у Сени раскрашенном фольксвагене «Транспортёре» в Калининград через Германию и Польшу. Не доехав до Санкт-Петербурга всего пятнадцать километров, это чудо военной техники прошлого тысячелетия вызвало интерес у водителя Газпромского грузовика. Мы не откладывая договорились о составлении договора купли-продажи означенной техники на завтра. С этого всё и началось!

Мне заказывали очередной фольксваген или мерседес, вносили предоплату. Когда заказов набиралось достаточно, но не менее пяти, я летел в Амстердам. Поездом в Хертогенбош, где потом и выбирал в Сениной «конюшне» достойных жеребцов на газу или солярке. До Польши это «Стадо Бизонов» мне помогали перегнать всё те же братья армяне, а в Польше меня обычно встречало моё Солнышко с бригадой «бывалых» погонщиков: Жолтиковым, Шитиковым, Шкляфом и Софой. Дружественная нам Польша встречала и провожала спокойно, без проблем. Вот только Родина всегда и бесконечно издевалась! К тому же до Родины надо было ехать дважды! Один раз она широко распахивала объятия, пропуская нас из Польши на территорию Кенигсбергской (Калининградской) губернии, а в следующий – из Литвы, выставив вместо себя как щит Белорусских бдительных пограничников.

Вот и в этот раз всё получилось в соответствии с планом. Я увидел белокурую макушку своей жены метров за двести. Она и её ковбои расположились на берегу маленькой речушки в ста метрах от условленного места встречи – небольшого костёла в приграничном городке. Попрошавшись с моими друзьями – представителями армянской диаспоры в Голландии, проведя короткий, но убедительный инструктаж и оседлав «жеребцов» – фольксвагенов и одного большого мерседеса, мы кавалькадой тронулись в долгий путь через Польшу в Россию. Дорога мне была хорошо знакома и не вызывала ни ажиотажа, ни особого интереса, в то время, как моим матёрым водителям всё было вновинку. Вот так, мотая головой то влево, то вправо и удивляясь всему как дети, они лихо разъехались «веером» на одном из оживлённых круговых перекрёстков Варшавы. Отлично! Лучше не придумать! Ситуация усугублялась тем, что уже стемнело, и ни у одного из «перегонщиков» с собой не было никаких документов на перегоняемые автомобили. Я всё всегда держал при себе! В соответствии с утренним инструктажем, потерявшегося ждали там, где он потерялся. Я припарковал свой огромный мерседес – полевою скорую помощь – прямо на площади и начал ждать. Практически сразу появился Шкляф и Софа – эти сообразительные! Шитикова ждали дольше, но он тоже в конце концов появился совсем с другой стороны, а не оттуда, куда по ошибке свернул. Слегка заторможенный после недели на аварийном чернобыльском блоке номер четыре, Володя Шитиков иногда «зависал» и терял ориентировку в пространстве и времени. Что и произошло на перекрёстке, когда он повернул не туда, то есть направо. Жолтикова ждали бесконечно долго, просчитывая все возможные варианты его исчезновения, вплоть до киднэппинга. И он через три часа появился! Пешком! Он свернул настолько не туда, что польский гаишник, которому всё это было, скажем, совершенно не нужно, он ехал на обед, просто не мог его не остановить и практически сразу же и остановил на улице с односторонним движением. Жолтиков ехал против движения вакурат ему навстречу! Уверенно и без номеров! Потом его рассказ про нечаянно-ошибочный поворот долго не хотели принимать всерьёз в отделении полиции. Сказывались сложности перевода. За годы русской «интервенции» на рынки, площади и улицы Варшавы польские полицейские навсегда уверовали в то, что русские не говорят правду никогда. Всё нарушают, портят, ломают и делают специально назло или из вредности, или из имперского чувства национального превосходства! В общем, отобрали фольксваген с ключами и послали искать документы на машину. На улице стоял девяносто седьмой, и поток ворованных машин из Германии и Голландии пока что не осла-

бевал. Отделение полиции было рядом. Шкляф немного калякал по-польски, так что вскоре мы продолжили наше увлекательное путешествие по маршруту Варшава – Белосток – Калининград с остановкой в Калининграде, где надо было получить литовскую транзитную визу.

Литва ничем не отличалась от той, в которой я был двадцать лет назад. Ни годы застоя, ни перестройка, ни вновь обретённая независимость – ничего в ней не изменили. Поколесив по Вильнюсу с часик и пообедав в кафешке, мы решили выдвигаться к границе. На границе была очередь и жара! Ещё на границе не было туалета, воды и пункта питания. Обстановка не располагала к долгому ожиданию в очереди. Но что же делать? Неулыбчивые литовские пограничники на вопрос: «Когда начнёте пропускать?» – лишь снисходительно улыбались. Иногда кому-то удавалось просочиться через границу за немалые деньги. У меня было пять машин и я рассчитывал на оптовую скидку, когда пошёл поговорить о ней с начальником смены. Тщетно и бесперспективно! На третий день отдыха в очереди кто-то из стоявших сзади недалеко от нас предложил обратиться к большому пограничному генералу и при поддержке остальных поехал в Вильнюс. Большой генерал приехал, спросил: «Какие жалобы, господа?», выслушал и уехал. А потом сменный начальник предложил кляузникам переходить границу в каком-нибудь другом месте, потому что лично ему они кажутся иностранными шпионами и, если он их увидит через десять минут, то вынужден будет задержать и так далее. А очередь, однако, стала двигаться. На четвёртый день мы-таки въехали в Белоруссию.

Дороги в Белоруссии хорошие и всегда были хорошие несмотря и вопреки! Мы ехали с хорошей скоростью, подгоняя себя воем сирены и проблесковым маячком, установленными на полевой скорой помощи вооружённых сил НАТО. Этим монстром я управлял сам лично. Управлял с удовольствием, сравнимым с тем, которое ребёнок получает от новой и интересной игрушки. Машина была маневренной, чем только не напичканной. В закрытом пуленепробиваемом и термостойком операционном отсеке была вода, вентиляция, освещение, операционный стол и много всякого медицинского. Спать на операционном столе в обнимку с Солнышком было одно удовольствие – не хуже, чем в гостинице. Подъехали к городу Полоцк. Когда-то я где-то прочёл, что есть такой город, в котором живут красивые женщины. Много красивых женщин независимо от возраста и материального положения, разрисованных и без макияжа. В одежде и без неё. Вот мы и подъехали к этому городу – к Полоцку в день празднования Ивана Купалы – языческого праздника славян с дохристианских времён.

У меня есть знакомый – хороший парень. В меру пьющий и несчастный. Когда-то он плавал на атомной лодке, а вернувшись домой обнаружил, что, отслужив Родине, своей жене «служить» стало не чем. Этот же, Шитиков, проторчав неделю около четвёртого чернобыльского блока, не только не потерял интереса к противоположному полу, – его интерес к женщинам в целом многократно возрос! Какие мы все разные, честное слово! Приставая по дороге к каждой буфетчице, заправщице, работнице таможни, заполняющей таможенные декларации, продавщице в ларьке, он наотрез отказался уезжать из Полоцка. Во всяком случае, сегодня. Он был неумолим и непоколебим в своём решении. Бунт на корабле погасить не удалось. Мы остались ночевать в скромной гостинице. Точнее, ночевать остались мы с Солнышком. Остальные же, в первую очередь Шитиков с Жолтиковым, всю ночь прыгали через костры, играли попеременно то в жмурки с полоцкими старшеклассницами, то в прятки с молодыми работницами нефтеперерабатывающего комбината. Вот уж действительно, сорокаслишнимлетние породистые козлы на выгуле! А утром надо было ехать. Задержавшись в очереди на границе в Литве на лишние три дня, мы ещё и здесь пол дня и целую ночь прихватили. Заказчики сидели на нервах. Это могло повредить репутации бизнеса, и мы, больше не останавливаясь, «рванули» в Питер.

Это был последний раз, когда мы с Солнышком ехали сложным маршрутом через шесть государственных границ. По поводу «мы и Солнышко» хочу дать короткое пояснение. Я был лишён доверия супруги – Солнышка раз и навсегда ещё задолго до того, как мы начали вести, говоря юридическим языком, совместное хозяйство. Она знала поимённо обо всех моих «увлечениях», с некоторыми «увлечениями» была накоротке знакома, но, повторяю, это всё было до... Лишённый доверия, я одновременно был лишён права:

- ездить по городу без Солнышка на пассажирском сиденье справа от меня,
- летать за границу без Солнышка в кресле самолёта справа от меня,
- встречаться с друзьями без Солнышка за ручку справа от меня,
- ходить на футбол без Солнышка, ходить на баскетбол без Солнышка, как, впрочем, и на остальные спортивные и культурные мероприятия.

У меня было право ходить в аптеку через дорогу! Чтобы в окно видно было.

В следующий раз и все последующие мы добирались до дома морем через Финляндию. Но перед тем, как ехать, надо было купить на чём ехать. У нас было три предварительно оплаченных заказа на всё те же «Транспортёры» и один заказчик на листе ожидания в Питере, которому было безразлично, как будет называться его будущий грузовой минивэн. Он был нужен ему, чтобы в больших канистрах вывозить с грузовой железнодорожной станции Автово растительное масло, которое станционные служащие аккуратно сливали из проходящих мимо цистерн с жидким «импортом». Он ждал от нас звонка, чтобы вылететь самому лично прямо в Амстердам, откуда собирался сам лично перегонять мною лично подобранный и купленный для него автомобиль. На аукционе в окрестностях очень миленького города Аппельдорф мы нашли для него «Рено» красного цвета. Аукцион был завтра, в четверг, а сегодня мы позвонили Славе, нашему покупателю, и посоветовали забронировать билет на пятницу. Мы никак не могли предположить, что уже в пятницу нас будет ждать «голодная смерть». Поторговавшись минуты две, мы легко выиграли сражение за красный «Рено», о чём тут же оповестили Славу. Обычно, проведя аукцион, его администрация успевала приготовить транзитные номера и экспортные документы на следующий день в пятницу до полудня. После чего часам к трём я уже пересекал границу Германии. Но что-то в этот раз было не так! По окончании торгов директор аукциона неожиданно объявил, что завтра у них выходной. Документы будут в понедельник! Первый запрещённый удар! Значит надо ехать в Аппельдорн – городок с названием, несовпадающим с Аппельдорфом только одной последней буквой. Там жил другой представитель армянской диаспоры, двоюродный брат Синдбада – военного переводчика из Хертогенбоша. Не сильно я вас запутал? Я изредка останавливался у него, когда ездил на аукцион. Голландские иммиграционные власти выделили ему с сыном квартиру-трёшку, и он с радостью сдавал комнату, а иногда две, заезжим. Там мы и поселились в ожидании Славы и документов на минивэн. Ни о чём не подозревая, мы утром вышли на улицу и пошли позавтракать в ближнюю кафешку. Кафешка была закрыта. Соседняя тоже! Магазин, где вчера покупали голландский сыр, тоже. Магазин около вокзала закрыт. Да что же это такое?! Оказалось всё проще простого – сегодня праздник! Гуляют все! Автобусы не ездят, магазины не работают, кафе и рестораны закрыты. Сегодня, завтра и послезавтра! А Солнышко голод не любит, не терпит, ненавидит, и скоро всем будет капец! Мозг работает лихорадочно, но решение находит быстро. Автозаправка! Там на выбор есть шоколадка, сушёный бутерброд и чипсы. Солнышко выбрало бутерброд и заплакало от безысходности и перспективы на ближайшие три дня. И тут меня осенило. До вылета Масловоза из Питера остаётся два с половиной часа. Сейчас он, скорее всего, двигается по дороге в аэропорт Пулково. Если прямо сейчас позвонить, то колбасы купить успеет. На колбасе Солнышко три дня протянет. И неделю протянет, если колбаса хорошая. Быстро поменяли бумажные гильдены на металлические и звонить! Масловоз как раз заканчивал Московский проспект в сторону Пулковского шоссе, когда его настиг мой призыв о помощи.

«Надо две палки обычной полукопчёной колбасы, это не обсуждается! В дьютифри в Пулково возьми водки, иначе с голоду распухнем и ещё...» – на этом связь оборвалась, потому что мелочь закончилась. А теперь представьте реакцию простого парня преклонного, почти пятьдесят, возраста, впервые собравшегося за границу. И не в какую-нибудь там Турцию, а в Голландию, где царство сыра, масла, сметаны и колбасы тоже! Любой колбасы – от простой варёной до копчёной и твёрдой как камень! «Так хочется всё это попробовать, и сегодня я всего лишь через три часа это сделаю» – подумалось Славе – Масловозу ровно за минуту до моего звонка. Нам оставалось ждать! Остаток времени до прилёта мы решили «убить» в аэропорту Чипхолл, где была возможность накормить Солнышко ещё одним бутербродом, возможно, не вчерашним.

В Голландии всё делается вовремя. На работу ходят вовремя и с работы... поезда по секундам, влюблённые на свидания никогда ни на минуту, наоборот пораньше, лишь бы не опоздать. Особенно девушки. Они такие некрасивые, эти голландские девушки. Они все как одна похожи на олимпийских чемпионки очередных зимних игр по биатлону и в эстафете – больших, мускулистых, розовощёких и с прыщиками. Поэтому на свидание – без опоздания, чтобы тогда и замуж, наверное, возьмут... Это работало почти до самого конца тысячелетия. Голландцы самовоспроизодились и численность населения не падала. Потом, идя на «поводу» у американцев и особенно французов, они начали принимать в голландцы малийцев, сомалийцев, нигерийцев и разнообразных арабов. Численность населения пошла вверх, но одновременно на улицах голландских городов появились «тяжёлые» наркотики. Прощай, марихуана. Здравствуй, героин! Но это было впереди, а пока многочисленные Кофе-шопы широко открывали двери желающим «слетать в космос»!

Мы встретили Славу минутка в минуту, отобрали колбасу и уединились в укромном уголке аэропорта, где Солнышко смогло полноценно пообедать. Домой в Аппельдорн ехать не хотелось. Поэтому мы решили провести остаток вечера на экскурсии по Амстердаму. Надо же было Масловозу город показать! Ведь он колбасу привёз... и водку. Покатались на катере по каналам, начинало темнеть, и мы пошли на улицу «Красных Амстердамских фонарей». Что из себя представляет этот район Амстердама, вы, наверное, хорошо знаете из классической и бульварной литературы. Многие сами были и всё это видели собственными глазами. Фемины со всего мира, окрашенные в цвета от иссиня-чёрного, коричневого, желтоватого до молочно-белого скандинавского, подобно манекенам сидят или стоят в витринах, заманивая своими пышными или наоборот формами зевак-туристов. Наблюдаем картину: идут наши русские, судя по одежде, затравленным взглядам и какой-то уж совсем надуманно – развязной походке – провинциалы из Череповца или Саратова. Полная дама с двадцатилетней дочкой уговаривают своего кормильца тряхнуть стариной и попробовать как это с ихней «потаскухой» бывает. Он упирается, хотя и явно для виду, сопровождая всё это фразами типа:

– И шоб я вот с этой?... Шоб ты меня потом с потрохами до последних дней?... Шоб полпосёлка меня курам на смех?... Да мне литр надо сначала... пиши расписку, что не запилишь насмерть...». – А самому, видно, хочется уже сил нет.

– А шо ж я тогда бабам рассказывать буду?... Как ты с Васькой хари заливали с утра и «полировались» весь день, как этой дури накурились и ржали, как кони? Иди, говорю, козлина! Вон, тощая и длинная... где ты у нас такую найдёшь? – И запихнули мужика к худющей шведке! Воодушевлённый увиденным, Слава захотел получить свою долю впечатлений и немедленно исчез в гнёздышке черной жрицы любви с острова Тринидат по цене пятьдесят гульденов полчаса. Потом мы поехали в Аппельдорн на ночёвку. Хорошо, что вокзал был за углом.

Нас уже ждали, а всегда грустный Ашот сварил рис. Грустный он был, потому что уехал из родной Армении со старшим сыном. Остальных детей и жену большая армянская

семья ему с собой не отдала: «Сначала сам устройся! Получи вид на жительство и найди достойную нашей дочери работу, неблагодарный! Делай хоть что-то. А то привык, что всё за тебя тесть решает и детей твоих кормит, засранец! Не вздумай вернуться, пока настоящим голландцем не станешь, горе на наши головы, и как наша дочка столько лет с тобой, нет, честное слово, прожила, да, красавица наша ненаглядная? Прекрати реветь, дура...» – и всё в таком духе. Водка пришлась кстати. Вскоре Ашот оттаял и уже улыбался. Колбасу из экономии решили приберечь на завтра. Во дворе под окнами стояли три готовых к дальним странствиям «Транспортёра» в ожидании красной симпатичной «Реношки».

Наступил понедельник. Мы забрали номера, документы и машину. Ещё раз проверили комплектность на запасные колёса, домкрат и ключ во всех четырёх автомобилях, посадили за руль Ашота с сыном и поехали в Любек. В Любеке мы с ними расстались и поплыли в Хельсинки на пароме, основными и единственными пассажирами которого были финские и немецкие дальнобойщики и мы. Какой был «шведский стол»! Только селёдок было сортов двадцать, не меньше! Атлантическая, тихоокеанская, исландская, пряного посола, мало-сольная, пикантного посола, сладкая, маринованная (пять сортов маринада), протухшая, но почему-то не менее, а более вкусная селёдка по-шведски и другие селёдки! Красная икра без ограничений, рыба в ассортименте! Много путешествуя тогда и в будущем на круизных лайнерах и пешком в трёх-пятизвёздных курортах, разбросанных по островам Карибского моря, я тем не менее до сих пор ставлю на абсолютно первое место «шведский стол» в «рыбной» его части на финском пароме Любек – Хельсинки!

Всего тридцать шесть часов, и мы в Финляндии, где нас встречают опять всё те же: оптимист Жолтиков и бабник Шитиков. Короткий пробег до границы в Торфяновке. Передышка на даче у Солнышка в Выборге, ещё два часа – и мы дома! Ещё одна страничка из жизни неутомимого странника перевернулась. Что будет с ним завтра? Он и сам пока не знает!

Коста Рика, 02.12.14.

Кривоногая вонючка

Мы только что официально после десяти совместно прожитых счастливых лет оформили наши отношения. Процедура вынужденная и в обычной жизни не обязательная. Я и так её люблю, она меня тоже. Делить нам нечего, а есть печать или её нет – какое это имеет значение? В данном же случае печать нужна была, чтобы её в Америку ко мне пустили. Визу ей дали, и билет в Нью-Йорк мы купили. Но было небольшое осложнение. Буквально пару месяцев назад хозяин дома, в котором я снимал небольшую студию уже долгое время, меня предупредил, что собирается перестраивать дом, и мне полгода надо пожить в другом месте. Полгода – не год. Я начал подыскивать, где «перекантоваться» эти полгода. Надо было поторапливаться – через две недели любимая должна была прилететь. А снять квартиру на полгода в Нью-Йорке – задача невыполнимая. Поэтому ищу комнату только с одним соседом или соседкой. В хорошем районе. И нашёл по объявлению в газете. Хозяйка квартиры – бывшая станционная буфетчица из-под Киева. На самом деле она не была хозяйкой, а арендовала эту квартиру уже давно и за вполне приличную цену. Комнату же сдавала, потому что денег не хватало. Так делали многие. Обсудив условия и пообещав, что «никакой пьянки и девок», я заселился в дальнюю комнату, заплатив за два месяца вперёд. Теперь можно расслабиться, теперь было куда привести суженую! В описываемое время я был увлечён цветами. Цветочным бизнесом, правильнее сказать. Вставал каждое утро в шесть часов и ехал на грузовичке – холодильнике в Манхэттан, где на восточных с 18-й по 22-ю улицам покупал свежие цветы. Иногда ездил в аэропорт, откуда забирал гвоздики из Гватемалы. А потом развозил по цветочным магазинам. В первый же вечер, вернувшись домой после утомительного дня, я присел за единственный небольшой столик на кухне попить чаю с бутербродом. Через какое-то время появилась хозяйка с собакой – старой и противной. Они тоже решили поужинать вместе со мной и сели вдвоём с противоположной стороны стола. Пусть простят меня собачники, но собак я не люблю и «новоиспечённая» жена не любит. И эта собака мне сразу не понравилась. И вообще, сдавая комнату, Буфетчица ничего про собаку не сказала. А собака сидела за столом и чавкала сосисками, которые ей на тарелку положила буфетчица. Погасив вспыхнувшее во мне негодование, я промолчал, быстро допил чай и пошёл спать, уже решив для себя, что потерплю и через два месяца найду другую комнату, если к тому времени собака не сдохнет. На следующий день пришёл попозже, но история повторилась. Как только я сел перекусить перед сном, они обе «нарисовались» на кухне. Как будто нельзя было накормить себя и собаку до того, как я вернусь с работы. Опять сдержался и пошёл спать. Наконец, наступил решающий третий день. Я придумал, что надо делать. Надо не приходить рано, а приходить поздно. По-настоящему поздно, когда буфетчица с собакой уже спят. Так я и сделал. Прокрался на кухню и только... а они уже здесь тут как тут! Они это делали специально, подготавливая почву для прецедента, и они его получили. Я сказал, что съезжаю и отдайте мне мои деньги, пожалуйста. Она включила сирену, крик, вой, визг – на улице слышно! Потом подошла к телефону и вызвала полицию, на очень плохом английском объясняя дежурному, что её, кажется, насилуют. Решение пришло мгновенно – надо бежать! Они ведь разбираться не будут. Просто по рёбрам и печени надают, чтоб не повадно было бабешек насиловать. И увезут. А там вообще жопа! Время от времени в газетах или по телеку всякое такое писали и показывали. У них в Америке с этим «Сэжшл Харразмент» просто беда. Любая потаскуха на тебя заявку напишет, и отдыхай в общей комнате с хорошими ребятами. Пока адвокат тебя не вытащит, предварительно обнулив все твои сбережения. Мне только этого для полного счастья и не хватало – завтра прилетает любимая, а я в бруклинской тюрьме! За то, что бабку-буфетчицу пытался трахнуть... трезвый. Потом оно всё, конечно, когда-нибудь прояснится, но осадочек-то останется! «Картина маслом!».

Не взяв ничего, даже из одежды ничего, сваливаю по ступенькам. Вдогонку слышу что-то буфетно-матерное. А потом... вслушайтесь в музыку этих слов – звучит почти по-шекспировски: «Маленькая, кривоногая, волосатая вонючка!» – это она мне про меня! Надо же, – прожить жизнь, эмигрировать, родить двоих детей, два раза развестись, четыре раза от советско-российских ментов вернуться, а какая-то станционная буфетчица... хотя надо отдать ей должное – талантливо! И метко! Навозившись в течение дня с цветами, я к вечеру благоухал запахами роз и фиалок, лилий и гвоздик и ещё двадцать наименований! Из-за поворота с включённой «дискотеккой» и ревуном вылетел полицейский «Додж».

Я спал на цветочном складе, наслаждаясь свободой и впитывая в себя его ароматы. Ведь могло быть совсем по-другому! Утром проснулся и в аэропорт – встречать своё счастье. По пути в аэропорт купил газету с объявлениями и пока в аэропорту ждал, когда счастье выйдет, наткнулся на вполне сносный вариант с комнатой! Опять есть, куда её, любимую, отвезти и выспать с дороги. А тут и она вышла! Открылась вторая глава, но написанная в американской книге нашей с ней совместной счастливой жизни!

Комната нам понравилась. Как временное пристанище вполне сносно! Соседи понравились, но больше всего понравился район, где находилась эта комнатка. Район назывался «Морские ворота» и находился прямо на берегу Атлантического океана с видом на знаменитый мост Верозано. В отличие от предыдущего варианта у буфетчицы здесь было не две, а четыре комнаты (а что делать?). Мы все въезжали в один день, и «старожилов» здесь не было. Тут же решили, что вечером надо отметить новоселье и поближе познакомиться. Какие же мы все разные! Одна тощенькая, маленькая из Киева – гринкарту выиграла! Другая – хохлушечка, толстенная хохотушечка из-под Киева – тоже гринкарту выиграла! Третий – высокий красавец из Ташкента, но не узбек – жена ушла. Четвёртый – с головой, подстриженной под машинку, пятый год живёт нелегально. Домой в Москву не хочет! И мы. Посидели, каждый коротко о себе. Доходит очередь до меня. Я рассказываю в подробностях о том, что со мной вчера произошло. Внимательнее всех слушает тот, который под машинку. И вдруг с криком: «бог – ты есть!» – бросается ко мне, обнимает, плачет, трясётся от счастья! Я в шоке, ничего не понимаю. Чего ради моя совершенно дурацкая история вызвала этот эмоциональный катаклизм? А вот чего ради.

Молодой, лет тридцати, парень работает курьером в фирме. Месяца три назад расстался с девушкой и ищет, куда съехать. По объявлению находит комнату и со всем своим скарбом туда переезжает. Вечером после работы садится ужинать на кухне, и тут появляется хозяйка со старой и вонючей собакой. Рассказывать дальше?... Но он не побежал, как это сделал я, а наоборот – остался, чтобы объяснить полицейским, что вот она... Получил по рёбрам и по печени и три месяца провёл в Бруклинской тюрьме за то, что всё-таки почти изнасиловал буфетчицу. Вчера вышел! Под подписку! Все три месяца он мечтал о мести, но кто подтвердит, кто засвидетельствует? Шансов ноль. И тут я! Для меня его история была полита ароматнейшим бальзамом – я тоже хотел отомстить. И заодно забрать свои вещи из квартиры буфетчицы.

У нас всё вышло! То, что было не под силу ни одному из нас по-отдельности, вместе получилось. Буфетчица, придумавшая незамысловатый, но по сути своей отвратительнейший бизнес, сравнимый, наверное, с воровством на доверии или чем-то ещё хуже, вернула и деньги, и вещи, и компенсацию курьеру выплатила. Вдогонку ещё и в больницу с сердцем от страха загремела. Я не пострадал. Просто это был ещё один урок, преподанный мне жизнью. А из урока получился, на мой взгляд, неплохой рассказ. Жена же с тех пор, когда очень сердится, называет меня маленькой, кривоногой, волосатой вонючкой!

Коста Рика, 20.11.14.

Текила

Мы познакомились в тот день, когда я встретил жену – Солнышко в аэропорту Кеннеди и привёз её в перенаселённую комьюнити на мысу, протянувшемуся косой от пляжей Кони Айленда по направлению к мосту Верозано. Место называлось «Морские ворота». Квартиру, которую я снимал несколько последних лет, хозяин – итальянец Паскуале поставил на ремонт, и нам надо было где-то перекаптоваться месяцев пять-шесть. Мы сняли комнату в частном доме. Кроме нас в доме на первом этаже жили ещё несколько человек, и одну из них звали Оля! Маленькая, всего метр пятьдесят два, она была худенькая, живенькая и совершенно безалаберная. Когда-то ещё в СССР она в шестнадцать лет стала чемпионкой Киева по спортивной гимнастике, подтвердив одновременно звание мастера спорта. Она тогда была ещё меньше ростом, 151 см, училась в девятом классе и однажды её – чемпионку столицы Украины, кандидатку в сборную республики, не пустили в кино на фильм «Генералы песчаных карьеров». Она плакала, пытаясь доказать билетёрше, что есть, есть ей шестнадцать! Но ей не поверили, и с горя или, чтобы ещё раз самой себе доказать: «я – взрослая!» – она впервые в жизни попробовала на вкус эту пеннистую светлокоричневую жидкость. Любовь возникла сразу, взаимная и всепоглащающая. Навсегда! Пиво стало её чаем, кофе, какао и компотом. Оказавшись в Америке с выигранной в лотерею Грин-картой в кармане, она и здесь долгое время не изменяла своей первой привязанности и любви. Потом она познакомилась почти в одно и то же время с ромом, водкой, джином, коньяком и текилой. Не отличаясь по крепости, каждый из новых «возлюбленных» предложил ей свой букет запахов, свою гамму ароматов, разнообразные вариации опьянения и похмелья. Она любила их всех и долгое время не отдавала предпочтение ни одному из них. Шло время. Кто-то отсеялся и нашёл новую возлюбленную, кто-то устал быть одним из многих, но уже через год осталась только текила! А Олю стали звать Оля Текила! Мы быстро и близко сдружились. Часто проводили время в обществе её возлюбленной Текилы. Когда пришло время возвращаться в мою старую квартиру после ремонта, мы забрали Олю с собой.

Мы собрались в круиз на Бермуды. С нами поехали Кнопочка и Текила. Кнопочка в свои двадцать четыре года ещё росла, за последний год набрала три сантиметра и достигла отметки метр восемьдесят! Её бойфрэнд Толик был ростом с меня и очень расстраивался темпам, с которыми Кнопочка преодолевала отметки сто семьдесят – сто семьдесят пять – сто восемьдесят. Текила давно не росла. Лет ей было уже под сорок, но она так и не преодолела отметку метр пятьдесят два. Многолетней давности обида на билетёршу и в её лице на весь оставшийся мир лишили её гормона роста: «Ладно, считаете меня маленькой, так я вам назло на всю жизнь и останусь маленькой, а вам потом стыдно будет и вы пожалеете!». Вот такой кампанией: Солнышко, Текила, Кнопочка и я – неутомимый странник, мы и отправились на Бермуды. Опыта подобных путешествий у нас ещё не было, и мы взяли всего-то по литру. Текилы! Стартовав от причала на Гудзоне между сороковой и сорок второй улицей, мы уже через полчаса проплывали под мостом Верозано. Две плёнки отснятых кадров на всю жизнь сохранили воспоминания о поросычем восторге, который мы испытывали, подплывая к мосту, проплывая под ним, бросая гордые взгляды на «Морские ворота», где в это время «прозябали» наши друзья – соседи. Праздник начался!.. Но не для Солнышка! В этот и следующий день морская болезнь, схватившая её за талию, как только мы выплыли из-под моста в открытый океан и раскачалась, не отпускала ни на минуту. Ни есть, ни пить она не могла. Все попытки уговорить зажмуриться и выпить стакан текилы могли привести только к одному – к полёту стакана в направлении моей головы. Я маневрировал, лавировал, манипулировал, и в конце концов уговорил к ночи второго дня совершить этот подвиг. И сразу полегчало! Часто задаю себе вопрос: «Ведь знает, дурища, что я опытнее, жизнь прожил на двенадцать лет длиннее, накувыркался по разновсякому. Так почему не послушать взрослого дядю и не выпить сразу, и не мучаться почти два дня напрасно?». Ответа нет! А Кнопочка с Текилой уже второй день «зажигали»! Наблюдать за танцующей в танцбаре

на раскачивающемся пароходе публикой было интересно! Первый куплет песни – все на левый борт, двое упали, трое об них споткнулись, тоже упали, первый куплет закончился! Второй куплет – все на правый борт, упали следующие шесть, куплет закончился! Опять на левый... и так далее. Кнопочка качнулась, споткнулась и завалилась всеми своими ста восьмидесятью сантиметрами на пол между столиками. Маленькая и юркая Оля Текила с хорошо развитым вестибулярным аппаратом чемпионки города Киева по спортивной гимнастике не обращала на качку никакого внимания и не испытывала никаких неудобств на качающемся пароходе. Более того, она веселилась и время от времени исполняла что-нибудь из своей произвольной чемпионской программы типа «сальто с переворотом» или «переворот с последующим сальто в другую сторону». Публика восхищалась, Оля раскланивалась, бармен наливал. На девятнадцатой рюмке текилы в бармене проснулся букмекер и он начал принимать ставки на Олю. Стопка текилы – сальто – переворот – аплодисменты! Делайте ваши ставки господа! Двадцать вторая стопка – переворот – сальто уже никак – кувырок отличный! – аплодисменты! Господа, ставки!.. и так до двадцать седьмой! Я попробовал её остановить, но она пошла на рекорд. До этого двадцать восьмую она не «брала» ни разу. Публика замерла, такого аттракциона не ожидал никто! Это я сейчас, отплавав на шести круизных кораблях, понимаю, что этот номер стоил хороших денег. В сравнении с тем, чем нас по вечерам развлекали в этих круизах, номер Оли Текилы собирал бы всех пассажиров парохода с экипажем впридачу. Собирал бы каждый день все четырнадцать вечеров. Нет, – наверное, один вечер выходной всё-таки ей бы понадобился. Оля любила поспать! Её личный рекорд непрерывного сна составлял сорок два часа! В одном из круизов мы познакомились с артистами – воздушными гимнастами, русскими, но он из Одессы. Они зарабатывали за одно выступление десять тысяч евро. Предположим, Оле платили бы пять! Тринадцать вечеров на пять получается шестьдесят пять тысяч евро! Её зарплата в Бруклине за три года!.. На чём мы остановились? Ах да – публика замерла. Оля Текила выпивает двадцать восьмую стопку текилы... и засыпает прямо во время исполнения кувырка! Рекорд устоял. Мы с Кнопочкой транспортируем Олю в каюту. Впереди сорок часов здорового сна. Завтра аттракциона не будет.

На четвёртый день приплыли в Сент Джонс. Дождь, ветер, временами сильный дождь. Дошли до универсама-супермаркета, купили за чем пришли, посмеялись над банковскими работниками. Из парадных дверей большого местного банка выходит «гусь» в шортах, пробковом шлеме, белой рубашке с короткими рукавами и с портфелем. Но главное – гольфы! Чёрные до колен, потом выше ремешок, а от ремешка вниз резиночки с прищепками, как у девочки из кардебалета! Умора! Пошли обратно на судно, по дороге пытаюсь сообразить, что делать, если на пароход с бухлом не пустят. Решили так. Я иду первый, на мне одна начатая бутылка. Спрашивают что? – честно отвечаю – Виски! и отпиваю из горлышка. У них в правилах такой регламент не предусмотрен. Там просто написано, что проносить для будущего распития нельзя. А у меня распитие происходит не в будущем, а в настоящем и прямо на их глазах! Так и вышло – я их на вахте застал врасплох своим трюком... И пронёс. За мной Солнышко, опять удача. Кнопочку же, от безысходности ситуации, стали расспрашивать сколько ей лет в попытке изъять алкоголь по причине малолетства. Она действительно своей долговязой фигурой напоминала девушку подростка, только без прыщиков. В паспорте у Кнопочки стояло двадцать четыре года. Она, к тому же, нервничая, высосала в процессе подтверждения возраста почти полбутылки, и остатки конфисковывать было как-то не по-взрослому. К утру переплыли на другой Бермудский остров.

Погода на этом острове была диаметрально противоположной. Бермудский треугольник за работой! Жарко, солнечно. Надо ехать на пляж. На автобусе доехали до места, где выходили все. Какое там было красивое море, точнее, океан. А рыбки. Мы таких видели потом только на Красном море в Эйлате. И больше нигде. Но сначала мы нашли эту бух-

точку. А потом рыбок. Подплывает Текила и говорит: «Вон стоит чёрный на берегу и чем-то машет. Чем, интересно, он там машет?». Приматриваюсь, ага – это он пенисом размахивает сантиметров на двадцать пять-тридцать, пытаюсь привлечь внимание моих дам или моё? Так Текиле и ответил. Она в обморок, а там глубоко. До берега дотолкал и к чёрному: «Пошёл вон, – говорю, – скотина разноцветная». Он послушался, но далеко не ушёл. Спрятался за камнями и высовывался с «карабином наперевес» то справа, то слева. Я в него камнями кидался по очереди с Кнопочкой. С этими – главное правило на него не смотреть. Тогда ему не интересно и он уходит «на показ» к любопытным.

Обратная дорога в Нью-Йорк пароходом ничем не отличалась от дороги сюда, только не было качки. А без качки вечера в танцбаре потеряли свою привлекательность. Оля Текила провела ещё несколько произвольных и показательных выступлений. Публика начала к ней привыкать и уже не восторгалась так шумно. Правда, на второй день обратной дороги на шоу пришёл сам капитан. Пару раз сдвинул ладони по окончании шоу и пригласил Текилу поужинать. Что у них там было или не было, она рассказала только Кнопочке, а Кнопочка – могила! Приплыли утром и решили никогда больше на круизы по островам не «вписываться». Скучно и не интересно. Если бы не Оля, если бы у нас собой «не было»... если бы не гольфики на ремешках с резиночками и пробковым шлемом, то и вспоминать было бы нечего. Я и вам не советую! Что хорошего в этой бесконечной обжираловке? И танцах на качелях? Поехали лучше в Китай или по Средизимному!

Коста Рика, 07.12.14.

Вожак стаи

Я трижды женат. Два раза в прошлом и один раз сейчас. Соответственно, и тещи у меня три! Две в прошлых жизнях и одна в этой! Бывших жён я когда-то любил, но они стали бывшими. Слово «любимая» перестало быть именем прилагательным как для первой, так и для второй жены. А вот отношение к моим тещам так с годами и не изменилось. Я их по-прежнему люблю! Мы изредка звоним друг другу, интересуемся здоровьем и успехами. Но в этом рассказе разговор пойдёт о третьей и Главной!

Яркая, красивая, миниатюрная и рыжая, всю жизнь проработавшая на большом заводе начальницей! И не просто начальницей, а начальницей снабжения. Она и в семье была авторитарным начальником – вожаком. «Вожак стаи!». А познакомились мы с ней давно, очень давно. Сначала заочно, когда к ней в дом впервые пришёл мой друг – бабник, пьяница, весельчак и красавец Игорёха и попросил руки их дочери, добавив, что недостатков у него нет. «Хотя нет! – есть один, – сказал он, мечтательно задумался, тяжело так вздохнул... – его зовут Антон, и он мой друг!». Это про меня, а «Вожак» немедленно захотелось со мной познакомиться. Именно с этой целью меня однажды пригласили на какой-то семейный праздник. Я ей не очень понравился, это чувствовалось. С одной стороны, я вряд ли мог разрушить счастье дочери, попытавшись «увести» её у новоиспечённого мужа. Игорь был «о-го-го», а этот – «метр с кепкой», – пыталась уговорить она саму себя. С другой стороны, чувствовала, что от этого с кепкой исходила какая-то опасность. Она, эта «матёрая волчица», чувствовала эту опасность, не понимая, что это. Но чувствовала и боялась. Как впоследствии выяснилось – не напрасно!

Прожив вместе почти семь лет, они вынужденно расстались навсегда – Игорь погиб в автомобильной аварии. Я же, часто навещаясь в теперь уже Санкт-Петербург по делам, звонил молодой вдове, привозил какие-то небольшие подарки, а потом взял к себе на работу. Пока ничего не предвещало грозы. Яркая и рыжая по-прежнему руководила снабжением, перемахнув через пенсионный возраст, растила внучку (дочка после случившегося потерявшая интерес к жизни, попросила маму об этом), водила её на хор и в музыкальную школу. Проверяла дневник и не давала конфет, если тройки. «Волченок» из её стаи звала её «Баушка», была очень милой и очень «колючей», прибавляя проблем с каждым годом всё больше и больше.

В её «стае» был ещё один очень важный персонаж – Серёга! Сорок лет назад влюбившись, женившись и сразу раз и навсегда попав под жёсткий каблук тогда ещё не вожака, но с задатками, он так в течении всей жизни и не смог из-под этого каблука вылезти. Видимо, не очень-то и хотелось. При этом был абсолютно счастлив! Он зарабатывал меньше на том же заводе, куда они каждое утро вместе добирались на двадцать шестом или пятьдесят восьмом трамвае. И обратно тоже вместе за ручку! Он был в семье на вторых ролях. Поэтому дочка и внучка часто его не слушались. Но, повторяю, Серёга был очень счастлив! Она же, избавив его от забот о пропитании, жилье и потомках, требовала только одного. Чтобы он, этот старый, длинноногий и послушный волк, любил её. Постоянно, непрерывно и «с душой». Только с одним выходным в неделю, когда ему позволялось сходить в гараж поменять масло, подкачать колёса, отрегулировать зажигание в старой «копейке». А на самом деле «махнуть по маленькой» с ребятами, такими же подкаблучниками, с этой же целью отпросившихся у своих волчиц. Гараж был последним рубежом, обнесённым красными флажками. Пересекать этот рубеж Серёге не разрешалось!

Время шло. Отношения того, который «метр с кепкой» и её дочь – тоже очень красивой «волчицей», ей не нравились. Про себя, наверное, она думала: «Ещё неизвестно, куда заведут их эти отношения. Молодёжь нынче не та, что в наши годы... – Молодёжь – это я,

сорокадевятилетний оболтус! – А моя, дурочка, о чем думает?» – продолжала переживать хранительница очага и по совместительству Вожак стаи. И однажды её небо рухнуло! Он, (то есть я), решил уехать обратно в Америку и позвал её дочку с собой!.. и она согласилась! Серьёзно, окончательно и безповоротно! «Вот оно... Я чувствовала, я это всегда чувствовала с того момента, как он первый раз переступил порог этой квартиры двадцать лет назад! Этот единственный и роковой для её стаи «недостаток» Игоря!» – в отчаянии думалось моей, теперь уже третьей по счёту теще.

Вожак по-прежнему в строю, до семидесяти двух доставая для завода всё, что было необходимо остаткам этого предприятия для производства. В семьдесят два она всё-таки ушла на пенсию. Теперь её квартира была одновременно профилакторием, Диснейлэндом, читальным залом и спортивной площадкой для следующего поколения «волчат», которых произвела на свет её «колючая» любимица. Они обожают свою рыжую бабушку! Как ждут поездки к ней! И как искренне расстраиваются, если вдруг поездка не состоялась. Серёга, наконец, в Авторитете! Даже, наверное, в большем, чем бабушка – начальница! Тех «чудес», которыми заполнен его гараж, оказалось достаточно, чтобы чаша весов склонилась в его сторону. Для малышей главный Он и слушаются они Серёгу беспрекословно! Мы видимся раз в году, иногда два, созваниваемся каждую неделю и уговариваем Старую волчицу переехать к нам в Коста Рика. Она отказывается, потому что считает себя необходимой этим двум волчатам – правнучатам. Она им действительно очень нужна, и «Колючей» нужна, и мне тоже! Но больше всех – Серёге!

Коста Рика, 22.11.14.

Синие войлочные тапочки

Жила-была маленькая девочка, очень красивая! С раннего детства её звали Солнышко, потому что она была похожа на солнечный зайчик. У неё были папа, мама, дедуля, бабуля, ещё одна бабушка и прабабушка. Работали папа и мама, остальные занимались воспитанием Солнышка, кормили Солнышко, гуляли Солнышко, причёсывали, на горшок и опять кормили, водили в детский садик и в кружок. Преимущественное право «воспитывать» её принадлежало дедуле по праву «кто в доме хозяин!». Остальные стояли в очереди, чтобы приложить и свою руку. Именно дедуля привил ей, что «палочки должны быть перпендикулярно», «поел – помыл за собой тарелку», «вилка в левой, ножик в правой», зубы чистить, руки мыть и т. д. Никто не догадывался, что в Солнышке сидела непослушная, своенравная и вредная девчонка. Не зайчик, а какая-то камышовая кошка. И чем больше её воспитывали, тем больше она сопротивлялась воспитанию! Одевали её заботливо, красиво и дорого. «Красивая девочка должна красиво одеваться», – говорили бабки-немки из бывших ссыльных... и одевали! Ездили по магазинам, в ДЛТ, Гостиный Двор, ездили в Прибалтику, стояли в бесконечных очередях за югославскими или китайскими детскими сарафанчиками и туфельками. Особое внимание уделялось обуви, боялись плоскостопия. На полочках в обувном шкафу стояли босоножки на маленьком каблучке, модельные туфельки с каблучками повыше, сапожки летние, осенние, зимние с каблучками и без. Если сложить всю обувь семьи, то на долю Солнышка приходилось семьдесят процентов пространства, в которое всю эту обувь запикивали. А её это не радовало. Она грустила, теряла аппетит, чем бесконечно расстраивала дедулю. В общем, чахла. Она и в самом деле чахла от нежной любви к синим войлочным тапочкам, в которые были одеты все её содетсадницы и содетсадники. Любовь тем больше крепла, чем решительнее дедуля и в едином порыве все бабушки отговаривали её носить это недоразумение отечественной обувной промышленности. Ничего не помогало. Она хотела! Она бросила вызов семье и требовала синие войлочные тапочки в доказательство признания её лидирующего положения в семье! Признания её мнения в качестве основного для принятия к исполнению немедленно! Между нами говоря, она с тех пор ни на сколько не изменилась. Но тогда этот камышово – солнечный вредный котёнок этими тапочками достал всех, и семья решила не отступать! И тогда она ушла из дома. Навсегда! Дом был в Парголово. Вскоре её розовые бантики на светленькой макушке исчезли вдалеке по направлению к Ленинграду. Прошедший всю войну до самого Кенигсберга, дедуля впервые испугался, обнаружив пропажу, позвонил соседям и приступил к прочёсыванию окрестностей, взяв командование операцией на себя. И через час пропажу нашли, собирающую одуванчики на полянке в парке в полукилometре от дома. Она и сама уже собиралась вернуться, потому что не по годам рациональный и практичный ум Солнечного зайчика проанализировал ситуацию и пришёл к выводу, что без запасов дедулиных бутербродов и зимней шубки, хотя сейчас и июль, побег «провалится». Надо сохранять лицо и возвращаться, жаль только одуванчики помешали, «а то бы я и сама пришла, подумаешь!». Она-таки получила свои синие войлочные тапочки! Она всегда с тех пор получает всё, что задумала! И меня заполучила тоже!

Коста Рика, 06.12.14.

Раннее барокко

Мой друг, когда-то очень состоятельный человек, жил во Флориде в городе Форт Лаудердэйл. Однажды он мне очень помог. Все отказали, а он помог. И никогда мне об этом не напоминал. Прошло много лет. До меня время от времени доходили слухи, что дела у него идут всё хуже и хуже. Я ему сочувствовал, но помочь не мог. Да и чем я мог ему помочь? А дела его и в самом деле начали принимать очень серьёзный оборот. Я не знал ни сути, ни деталей того, что же в этот раз произошло, но по голосу, когда он мне позвонил 28 декабря, я понял, что «петля»!

Как всегда, уже много лет подряд мы собирались сразу после Нового Года уехать из холода в тепло. В этот раз в Мексику на Ривьера Майя. Отлёт был назначен на первое января. Билеты куплены, чемоданы собраны. Через три дня в Мексику! А там Чичен-Ица! Казюмель!.. И вот этот звонок!

«Я выехал из Флориды. Через двенадцать часов буду у тебя. Надо слетать в Москву! Отвезти одну вещь! Билеты возьму сам, когда приеду...». Объяснять, что я через два дня улетаю на отдых в Мексику человеку, неоднократно выручавшему меня в различных ситуациях, было попросту неприлично. Жена, зная о моих обязательствах перед ним, конечно, впала в ступор. Но тем не менее понимала – ехать надо! Завтра двадцать девятое. Значит завтра, двадцать девятого, и надо улететь, чтобы тридцатого быть в Москве и первым утренним рейсом тридцать первого обратно. В этом варианте я вернусь обратно в Нью-Йорк тридцать первого вечером. В Мексику успеваем! Новый год отпраздновать тоже успеваем, если рейс не задержится. Тридцать первого декабря чего только не случается!

Он приехал в Нью-Йорк в полдень. В два часа надо забрать билеты на Парк Авеню в Манхэттане. Вылет в шесть тридцать из аэропорта Кеннеди. Чтобы в этот день уже домой не возвращаться, а сразу ехать в аэропорт, собираю сумку с носками, трусами и зубной щёткой заранее. Вроде бы всё готово. Едем в Манхэттан! Спрашиваю, что надо отвезти в Москву, и слышу в ответ: «Картинку... – а потом совершенно спокойно – нейтральным голосом произносит невероятное: – Картинка не простая, семнадцатый век, Италия, Барокко». Я не буду называть имени художника, потому что уверен, что вы и так мне не верите, а если назову имя, вообще подумаете, что с ума сошёл. Сегодня даже набросок, а не картина этого художника на Сотбис стоит от нескольких миллионов и навёрх! Я в шоке, но суть от этого не меняется:

– А если таможенник из простого любопытства спросит, что тогда?

– Постарайся сделать так, чтобы не спросил! – Хороший ответ, но зато понятный. И что вообще происходит – тоже понятно. У него всё равно нет выхода, у него нет другого варианта, у него вообще теперь уже ничего нет! Осталось отчаяние и надежда, что всё ещё можно спасти... И эта надежда связана только со мной. Эта картина завтра должна быть в Москве и попасть в «правильные» руки! Ну вот теперь более ли менее понятно. Надо выглядеть лохом, надо вести себя как лох, говорить как лох! Не расслабляться, но сделать вид, что едва на ногах к моменту прохождения таможни в Шереметьево. Вот и получится, что не совсем в меру подвыпивший гражданин, по виду полный лох, вернулся домой в Москву. Где-то здесь жена мечется, встречает. Нормальная повседневная картина! Для полноты образа лоха к старому пальто серого цвета добавляется жёлтая бейсболка – сувенир из Америки!

С Парк авеню мы «ныряем» в Мидтаун туннель и выскакиваем на Лонг айленд экспрессвэй. «Стоп!!! Паспорт! Уходи направо!» – это я Игорю. Паспорт лежит для сохранности в банковской ячейке в Чейз-Манхэттан банке на Кингз Хайвэй. Ключ от ячейки – дома! Если заезжать домой, в банк не успеем. Звоню любимой – объясняю, где ключ и куда подвезти. Должны успеть! Без пяти четыре её всё ещё нет, и я захожу в банк без ключа. Правило: «Если клиент уже находится в банке, то его обслужат, даже если время работы банка

истекло!». В четыре ноль восемь ключ от жены снаружи переходит ко мне во внутрь банка после трёхминутного препирательства с охранником чёрного цвета. Охранник:

– Если ты выйдешь из банка за ключом, назад не пущу. Женщину эту в банк не пущу, потому что время впуска в банк закончилось. И неважно, что жена. Неважно, что самолёт! У меня инструкция. Инструкция – это важно! Самолёт улетает – не важно!

– А если так, например, сделать, – говорю, – ты высунешь руку на улицу, а она тебе туда ключ положит, а за это вон тот небритый мужик даст тебе десять долларов. Ну, как?

– Двадцать! – и ключик наш!

Теперь аэропорт! Там никаких проблем не возникло, за исключением небольшой задержки. Затем Боинг сингапурских авиалиний неспеша вобрал в себя пассажиров, один из которых, по виду полный лох в жёлтой бейсболке, тащит картонку, перевязанную бельевой верёвкой. Внутри картонки находится шедевр живописи эпохи раннего барокко стоимостью в несколько миллионов долларов.

Полёт прошёл нормально. Кормили откровенно здорово, наливали ещё лучше. Вива Сингапур! К концу полёта, как и было мною спланировано и им одобрено, я действительно «поднабрался», но полностью себя контролировал. Всё было очень натурально. Таможню я преодолел по зелёной линии, не вызвав подозрений. А сразу за таможней меня уже ждали, «вычислив» по жёлтой бейсболке. Всё – задание выполнено! Картину забирают и увозят в банковском «броневишке», а встретившие ребята везут меня в гостиницу отдохнуть. Через два часа один из них возвращается и везёт меня в ресторан поужинать. Ужинали в ресторане «Петров-Водкин» с крокодилком на привязи при входе. Я так никогда не ужинал и не обедал! Ну, и, конечно, опять немного перебрал. Потом был клуб с живой музыкой, где столики были подвешены к потолку или привинчены к стенам. На маленькой сцене – живой Богдан Титомир. За столик надо было подниматься по верёвочной лестнице. Пьянка с физкультурой одновременно! Рома, так звали моего провожатого, напился не на шутку и уснул. Чтобы узнать, куда его тащить, пришлось рыться в его бумажнике в поисках водительских прав с адресом. Тащить пришлось не далеко. Рома предусмотрительно заканчивал вечер в баре рядом с домом. Видимо, был опыт! Найти гостиницу, куда меня поселили, оказалось делом посложнее, но и с этим я справился. Череду побед и успехов не прекращалась. В самой гостинице меня ждал сюрприз – в ресторане был банкет! Праздновали чей-то юбилей, и проскочить к себе в номер у меня не получилось.

Телефон звонил не умолкая. Подушка на голову не помогала. После пятнадцати минут борьбы с самим собой и с желанием расколотить к чёрту этот телефон об стенку, я поднял трубку и услышал: «Слава б-гу! Ты хоть знаешь, что у тебя через три часа самолёт?». – Этого я как раз и не знал, потому что забыл, потому что напился, потому что всё получилось с картиной и друга я выручил! Пять минут на гигиену, ещё десять на завтрак в буфете и вопрос: «Почему они все на меня так странно смотрят? Что ж я такого вчера тут накуралесил?». То, что накуралесил, было очевидно. Так и не вспомнив, попрощался и вышел в предновогоднюю московскую слякоть.

Каким-то образом надо было добраться в Шереметьево. Поймал старую «копейку». По дороге купил пива, и за полтора часа до отлёта всё-таки был в аэропорту. Успел!.. Нет, – пока не успел! «Препятствие» к очередному успеху стояло около входа в аэропорт в форме милицейского старшины и опытным взглядом вылавливало неблагополучных!.. и выловило меня! «Зачем я выпил эту бутылку с противным московским пивом? Интересно, во сколько мне теперь обойдётся эта бутылочка?». Бутылочка обошлась в двести пятьдесят долларов – всё, что у меня осталось после вчерашнего. Пройдя паспортный контроль и таможню, я нашёл какого-то милиционера в звании лейтенант и пожаловался на старшину, повышавшего своё благосостояния за счёт «обнищания масс», т. е. за счёт неблагополучных пассажиров! Лейтенант куда-то позвонил, что-то у кого-то спросил, а потом мне: «По факту, Вами изложен-

ному, гражданин, у органов правопорядка никакой информации нет. Пройдёмте, гражданин, обратно в Россию для дальнейшего разбирательства». – Нормально!? Я, конечно, обратно в Россию не пошёл. Не было времени. Да и в паспорте не осталось места для штампов:

«прилетел в Шереметьево», «вылетел из Шереметьево». Но какое-то чувство удовлетворения всё же осталось. Как минимум половину «дохода» старшины – бизнесмена придётся теперь отдавать лейтенанту!

Вот и всё! Я вернулся домой вовремя и вместе с друзьями и знакомыми весело встретил Новый Год! Потом была Мексика. Предновогодние события заставили на многие вещи взглянуть по-новому. К тому же, во мне проснулся ранее дремлющий интерес к живописи. Особенно итальянской периода раннего Барокко. Но самое главное – я смог вернуть долг!

Коста Рика, 28.11.14.

Русский самовар

Ресторан «Русский Самовар» в Нью-Йорке – это событие, удовольствие, традиции русской эмиграции и очень вкусно. При входе в ресторан справа большая бар – витрина, а за стеклом витрины – двадцатилитровые бутылки с разнообразными водками. Будете в «Самоваре» – не увлекайтесь «чесночной» и «хреновой»! Развезёт в «зюзю» мгновенно и надолго! На стенах много старых и старинных фотографий. В углу белый рояль, за роялем очень известный композитор. Мы все его любим и с удовольствием слушаем. Иногда, когда очень хочется спеть что-нибудь типа «Ехали цыгане...» или из классики, он нам с удовольствием аккомпанирует. Красиво! Один раз мы зашли туда, когда, сдвинув столы в один большой, за этим большим столом сидели потомки Толстого. Которого из трёх – спросить не удосужились. В «Русском Самоваре» не курят давно. Задолго до того, как мэр Нью-Йорка Блумберг запретил курить в ресторанах, барах и кафе. Для Толстых было сделано исключение – они всегда там курили, начиная с 1917! Традиции нарушать нельзя! Мы с женой – курилкой сели к ним поближе, чтобы нам тоже разрешили. Есть не очень-то и хотелось, я сейчас расскажу, почему. На самом деле это ей – курилке есть не хотелось. Я же просто ем мало, как модно говорить: «не критичен к еде», – и селёдки с тремястами грамм «укропной» мне вполне достаточно, чтобы почувствовать и сытость, и пьяность. Мы ездили в «Самовар» не только для того, чтобы поесть селёдки и попить «кинзовой». Мы туда ездили «проникнуться» всякой достоевщиной, толстовщиной и тургеневщиной, и отдохнуть! Чаше всего по будням. Но и по выходным тоже.

Жена пришла с работы рано. Быстро причесалась и по-модному наманикюрилась. Вообще, она у меня антипунктуальная личность, что очень необычно для представителей немецкого народа, к которому она принадлежала лишь наполовину. «Мама немец, папа русский!» Папа, к тому же, мало того, что женат на немке, так ещё и корнями из «бывших» и недобитых большевиками. Я же – суперпунктуальный! Я лучше полчаса по платформе погуляю, чем в хвост уходящему поезду смотреть, двойной счётчик таксисту, ещё двести ГАИшнику за скорость, догнал в Тосно!.. Опять сбился с маршрута!.. Причём тут Тосно, если я в «Русский Самовар» сейчас еду в Манхэттэн!? Столик в «Самоваре» был заказан на семь. Но мы поехали пораньше, потому что хотели пошарахаться по Тайм Сквер. Жена уже полгода в Нью-Йорке, но эта Тайм площадь ей до сих пор в радость. Вот и гуляем, радуемся. До столика в «Самоваре» ещё чуть меньше часа. Мы, изучившие меню ресторана ещё в первое посещение, сегодня собирались перекусить бараньими рёбрышками, которые у Ромы, хозяина ресторана, были с «другой планеты», солянкой и всякими закусками. С водкой из ассортимента! Но неожиданно прозвенел «звоночек»! Моё сокровище – жена, настолько же нетерпимая к голоду, как и к «точному времени», произнесла зловещие слова – «хочу есть!». Это означало, что у меня в запасе есть ровно четырнадцать минут. По истечении этих четырнадцати минут могло произойти разное. Один из вариантов – всепоглащающая ненависть! Ко мне, в первую очередь, и к остальному миру, во вторую! В течении этого короткого промежутка времени я становлюсь причиной всех её бед, начиная с ранней беременности не от меня в восемнадцать до: «Это ты притащил меня в дурацкую Америку! Из-за тебя я с мамой уже полгода не виделась!». Возможны и другие варианты: «С тобой точно с голоду сдохнешь, ты меня уже достал своим «потерпи». Какого хрена я вообще за тебя замуж вышла – как права была мама!» – и всё в таком же духе, наполненном поэзией и лирикой. Делаю вид, что насчёт «хочу есть» ничего не слышал. Мне надо время, чтобы обдумать ситуацию и «собраться». Но через пару минут следует: «Я что, – со стеной разговариваю?». Осталось 10 минут! Тележка с «хот догами» окружена толпой голодных, рядом пиццерия... – 7 минут!.. – забита теми же голодными, опять мимо!.. – 5 минут!.. Погружаю себя в состояние крайней

степени сосредоточенности и вспоминаю про «Мак Дональдс» за углом... – 3 минуты!.. Мы в «Мак Дональдсе», передо мной двое, но «заторможенных»... – 1 минута! Отсчёт пошёл на секунды! Заказываю БигМак – 50 секунд... жареная картошка – 35 секунд... – Кока Кола – 15 секунд...кетчуп – 5... Успел! Пока я оплачивал, она уже доедала эту полусинтетическую котлету в булках с двух сторон!

И уже через пять минут на «Солнышко» нельзя было смотреть без слёз. В «Русском Самоваре» ждёт заказанный ужин с рёбрышками, солянкой и разнообразными закусками. Всего в десяти минутах прогулочным шагом, а в животе у «Солнышка» – невкусная котлета с картошкой и кетчупом, создающие в совокупности эффект невкусной сытости. Сегодняшняя жизнь потеряла всякий смысл, и эта потеря отражалась в её глазах, осанке, походке! Но в «Самовар» мы всё-таки пошли. Музыка послушать, фотокарточки старые поглядеть, водочек разных подегустировать. Я дегустировал с селёдкой пряного Роминого посола.

Эта история не имеет продолжения, у нас ничего не изменилось. «Солнышко» опаздывает или пытается опоздать всегда! Я слабо сопротивляюсь, и иногда мы в гости или в аэропорт приезжаем вовремя! «Роковые» четырнадцать минут удалось методом аутотренинга с использованием иглоукалывания «поднять» на уровень 16-ть минут! С чем вы меня и поздравьте! Пожалуйста!

Коста Рика, 24.11.14.

Чичен-Ица

Очередной Новый Год. Подготовительная работа к зимним каникулам закончена. Мы едем в Мексику! Полуостров Юкатан. Конкретно, мы должны быть завтра на Ривьере Майя в сорока километрах от Канкуна. Обычный пятизвёздный resort с «включённой» двадцать четыре часа «обжираловкой» и «бухаловкой». Ничего нового, Мексиканский залив волнуется, и купаться в волнах на мелкоте не хочется. Мы с друзьями из Питера Софой и Бориком, обследовав ближайшие окрестности и не найдя там абсолютно ничего интересного, постановили не терять время на бестолковое пляжно-праздное безделье, обжорство и пьянку. А вместо этого решили путешествовать и набираться впечатлений. Купили экскурсию в Чичен-ицу – древнейшую столицу империи Майя, до которой надо было ехать автобусом часа два. Взяли с собой бутеров и немного текилы для меня с Марусей. Борик Софа не разрешала, поэтому я прихватил специально для него «секретно-резервную» фляжечку, но «чтоб только она не пронюхала!» – сказал Борик. У самого resortа дорога была более ли менее приличная, но уже километров через пять превратилась в подобие «скоростной трассы» Сланцы – Кингисепп, что недалеко от границы с Эстонией. Так и ехали, подпрыгивая на ухабах и проваливаясь в ямы, наблюдая за тем, как вдоль дороги становится всё больше и больше помоечно-мусорных сначала возвышенностей, потом холмов и, наконец, гор средней высоты. Хижин, расположившиеся в «долинах» между гор были, в основном, сооружены из кусочков картона, строительного мусора и старых газет. Крыши хижин покрывали неаккуратно скреплённые между собой полиэтиленовые пакеты из-под чего угодно. Санузел – дырка в земле, отгороженная от дороги и соседей куском мешковины и без крыши. Через каждые три-четыре километра – обнесённые колючей проволокой участки земли с вышками на каждом из четырёх углов, обозначающими, что это тюрьма. Экскурсовод – смешной на вид типичный представитель народа Майя с чертами лица не поддающимися точному описанию. Как он сам говорит: «Вы же видите, на кого я похож. Правильно – на Марсианина!». Он говорит, что в тюрьмах сидят, но в основном лежат на земле, обыкновенные «майцы», нарожавшие кучу детей и нежелающие делать ничего, кроме и исключительно лежать! Жены жалуются, мужей – лежебок сажают за колючку, и там они что-то делают, за что получают что-то, и на это «что-то» семья кормится какое-то время, расплачивается с долгами. Лежебоку выпускают, он лежит, семья опять залезает в долги и его по-новой сажают за колючку. Так мы и доехали до Чичен-Ицы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.